



что известно науке, — это уровень, на котором происходит не самое главное, а нечто материальное, что можно объяснить формулами. Гораздо важнее то, чего нельзя объяснить. Дягилевский фестиваль и есть такая штука, которую объяснить нельзя, где всё делается вопреки.

Смотрят западные люди: в России, вообще непонятно где (что такое «Пермь»?), происходят какие-то особенные вещи. И это уже ясно, когда люди ещё даже ничего не слышали, а только прочли список участников. А уж когда они приезжают и становятся зрителями, им становится окончательно ясно, что перед ними явление, которое и сравнить-то не с чем, нет аналогов. Смотрят, слушают и понимают, что с ними происходит что-то крайне важное. Это притягивает.

Теодор — человек уникальный. Он вопреки всему реализовался именно в России. И то, что он делает на Западе, он делает на русской основе, причём не в Москве, а вот в Перми.

? Вы уже знаете, с чем придёте на Дягилевский фестиваль в этом году?

— До определённой степени. Одно из трёх выступлений я знаю точно. Это будет премьера моего нового форте-

пианного цикла, такой же большой по продолжительности вещи, как «Письма Рахманинова». К слову сказать, премьеру «Писем» я также играл на Дягилевском фестивале в 2013 году. Между частями нового цикла я буду читать письма. На сей раз это будет абсолютно подлинная история, переписка одной русской семьи.

ДЯГИЛЕВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ И ЕСТЬ ТАКАЯ ШТУКА, КОТОРУЮ ОБЪЯСНИТЬ НЕЛЬЗЯ, ГДЕ ВСЁ ДЕЛАЕТСЯ ВОПРЕКИ

История же написания нового цикла имеет какую-то удивительную аналогию с тем, как возникли «Письма Рахманинова». Тогда я был на могиле композитора. А в этот раз в православном Ново-Дивеевском монастыре, который находится недалеко от Нью-Йорка. Там есть икона Серафима Саровского, что была написана ещё при его жизни. И кладбище, на котором похоронены несколько тысяч человек,

в основном из тех, кто уехал из России в первую русскую эмиграцию. Эта поездка оказала на меня очень сильное воздействие, я постарался найти какие-то слова, хотя сделать это практически невозможно, и написал пост в фейсбуке. «Моя прабабушка была игуменьей этого монастыря», — сообщила мне одна девушка в комментариях. Я стал общаться с ней и с её отцом, внуком той женщины, которая последние 35 лет своей жизни была монахиней Ново-Дивеевского монастыря. Её потомки сегодня живут в Петербурге. Я попросил разрешения взять некоторые фрагменты их семейной переписки. В этих письмах нет ни слова ни о каких высоких материях, это просто жизнь семьи, которая была разделена железным занавесом. Очень личные письма, за которыми стоит очень много всего. Цикл называется «Где нас нет». Это размышления о стране, погибшей 100 лет назад, но оставшейся в людях, которые стоически пережили те события и сохранили очень глубокое и настоящее отношение к жизни, принятое когда-то. Музыка не является буквальной иллюстрацией к тем письмам, это параллельное размышление. Премьера цикла состоится в Перми в мае этого года. **■**